

и Карельского перешейка, опубликованном в 34-томном собрании финских народных песен. Это песни, связанные с земной жизнью Христа. Эпос разделен на 70 песен. Писался он Muistain Ingermaata, ylistäin ylähäistämme. В примечаниях сказано, что Ингермаа есть первоначальное название Ингерманландии (от реки Ингере). Таёжный эпос "ингерманландского Лённрота" – это поиск корней всех прибалтийско–финских народов.

Литература

1. Jos linnulta siivet saisin. Петрозаводск, 2000.
2. Paraske Larin. Ruokopilli. – Параске Ларин. Тростниковая свирель. Эпические и лирические песни. Петрозаводск, 1986.
3. Miettinen Helena. Inkerin satulipas. Inkerin kulttuuriseura ry. Helsinki, 2001.
4. Majd' minden szó Ffödésbe merült. Unohtuivat miltei kaikki sanat. Inkere finn lira. Valogatta Puszta János. Szombathely, 2002.

С. Э. Яловицына

ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ФИННОВ

В статье предпринимается попытка рассмотрения роли лютеранской религии и церкви в этнической самоидентификации финнов России. Этническая самоидентификация понимается нами как процесс, а не одномоментный акт, связанный, к примеру с выбором собственного самоназвания (этнонима). Это приводит к необходимости рассмотрения процесса этнической идентификации в динамическом ключе, в исторической ретроспективе, с учетом обстоятельств момента самоидентификации. Религию часто рассматривают, как один из важных компонентов самоидентификации, поскольку она включает в себя константные представления о добре и зле, о способах борьбы добра со злом. Однако, кроме философских оснований важности религиозных представлений в этнической самоидентификации, лютеранство в истории российских финнов, как мы увидим, занимало далеко не последнее место и часто выполняло этноконсолидирующую функцию.

Финское население России сформировалось, как известно, в результате нескольких миграционных потоков. Это определило, хотя и в разной степени, актуальность приспособления к социально-экономическим и этнокультурным условиям новой среды.

Адаптация в социально-экономической сфере отразилась на профессионально-отраслевой структуре, распространении национально-смешанной брачности, расселении финнов.

Адаптация в этнокультурной сфере могла осуществляться в двух основных направлениях. Первое – это включение в новую среду путём принятия языка и социокультурных норм этой среды с последующей ассимиляцией. Второе – воспроизводство привычных образцов поведения, языка и этнокультурных ценностей.

Было логичным предположить, что в отрыве от страны метрополии, среди финских эмигрантов, произойдет деформация взаимосвязи религии и этничности под влиянием иноконфессиональной, иноэтнической среды и других факторов. Однако, ряд проведенных в 1990-е годы и в начале XXI века социологических исследований показывает, что высокая степень языковой ассимиляции сочетались у финнов с устойчивой ориентацией на свои этнокультурные ценности, особенно религиозные²⁰⁶.

Об этом свидетельствуют и некоторые исторические факты религиозной жизни финнов в России.

История ингерманландских финнов XVIII–XIX веков, широко рассмотренная в финляндской и отечественной историографии²⁰⁷, демонстрирует возможность сохранения связи религии и этничности, несмотря на проживание в пределах иного, «ненационального» государства. В качестве факторов, поспособствовавших этому,

²⁰⁶ Кожанов А. А., Яловицына С. Э. Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 129–174.

²⁰⁷ Суни Л. В. Ингерманландские финны // Прибалтийские народы. Ювяскюля, 1995. С. 211–233; *Он же*. Ингерманландские финны: исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 4–26; *Он же*. Очерк культуры российских финнов // Финны в России. С. 43–62 (в соавторстве с Киуру Э. С.); *Он же*. Ингерманландские финны // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 66–82; *Kuortti A., Arkkila R.* Inkerin kirkon yo ja aamu. Ювяскюля, 1990; *Mesiainen E.* Maria Kajavan pitkä taival. Helsinki, 1990; *Sihvo J.* Inkerin kansan 60 kohtalon vuotta. Ювяскюля, 2000.

принято рассматривать компактность проживания, которая обусловила возможности общения на финском языке, а также создания специфически финской инфраструктуры, в которой лютеранские церкви играли одну из ключевых ролей.

Пример Карелии представляет собой иной вариант развития событий, так как расселение финнов на её территории в XIX веке носило дисперсный характер. Несмотря на это, связи финнов-мигрантов между собой сохранились. Одним из основных механизмов этой сплоченности стало создание и функционирование лютеранского прихода, охватывавшего собой все населенные пункты, в которых селились переселенцы из Финляндии. Это была не только Олонецкая губерния, но и частично территории Новгородской губернии и Кемского уезда Архангельской губернии. Наряду с богослужебной деятельностью, здесь велась просветительская работа среди финской молодежи путем создания церковно-приходских школ, обучение в которых велось на финском языке. Особо подчеркнем, что школы объединяли этнические и конфессиональные формы деятельности.

Религиозный вопрос в России никогда не стоял особо, он всегда был связан с комплексом сопутствующих проблем, как до революционных событий 1917 года, так и после них. Главным действующим «лицом» в решении «лютеранского» вопроса были не собственно лютеране и даже не православные, а государство, выступавшее подчас в роли арбитра, принимая в расчёт, прежде всего интересы государственной целесообразности. Государственная политика в отношении к иноверцам в царской России строилась преимущественно в проправославном ключе. Наряду с этим, в начале XX века, в связи с обострением «финляндского вопроса», финская диаспора Карелии оказалась втянутой в противостояние русификаторских и финнизаторских идей. Результатом давления губернских властей на финнов в первые два десятилетия XX века, проявляемого и в отношении их вероисповедной принадлежности, стало бегство в Финляндию большинства финских переселенцев в 1920-е годы²⁰⁸.

²⁰⁸ *Бирин В. Н.* Население Карелии в XX в. (формирование этнического состава // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. Петрозаводск, 2000. С. 108. Заметим, что территория Олонецкой губернии вошла в состав Карельской Трудовой Коммуны не полностью. Поэтому сравнение демографической ситуации до и после революции, ввиду административно-территориальных изменений, весьма условно. Наверняка можно утверждать лишь то, что сокращение численности лютеран действительно происходило.

В начале 1920-х годов по существующему тогда законодательству требовалась регистрация в органах советской власти любых религиозных общин. Среди неправославных общин удалось зарегистрироваться только наиболее активным религиозным группам. Среди них были и финны-лютеране, зарегистрировавшие свою деятельность, как того требовали тогдашние законы. На общероссийском уровне произошло собрание Евангелическо-Лютеранской консистории.

Лютеранские общины были зарегистрированы не только в Ингерманландии, сосредоточившей тогда в себе основное российско-финское население. Лютеранское объединение было зарегистрировано и в Карелии, несмотря на серьёзный отток прибывших ранее финнов-мигрантов в Финляндию. Однако Карельская община под руководством старосты П. Пулкинена просуществовала недолго. В июле 1924 года специально созданная комиссия произвела осмотр имущества лютеранской церкви на предмет его сохранности. На основании осмотра был сделан вывод об отсутствии у общины возможностей для охраны здания, и 15 марта 1925 года КарЦИК принял решение о расторжении арендного договора с лютеранской общиной. 30 апреля 1925 г. Президиум КарЦИКа передал кирку в ведение Управления коммунального хозяйства²⁰⁹.

Примерно такие же действия производились и в церквях финнов-ингерманландцев, оставшихся к концу 1930-х годов без действующих церковных зданий, а также пасторов, многие из которых были арестованы, бежали или были высланы в Финляндию²¹⁰.

Послевоенная ситуация развивалась в русле новых тенденций, характерных для религиозной истории Советского Союза этого времени. Ослабление прессинга на верующих после войны способствовало выходу религиозности в публичную сферу. Православная церковь, получив некоторую поддержку своей деятельности со стороны властей, начала, хотя и робко, способствовать возрождению своих приходов. Лютеране Карелии, ряды которых пополнились за счет вернувшихся с депортации финнов-ингерманландцев, сумели добиться регистрации лютеранской общины к 1970 году

²⁰⁹ НА РК, Ф. 689, оп. 1, д. 5/47, л. 2–3, 30, 33, 34 и др.

²¹⁰ *Kuortti A., Arkkila R. Inkerin kirkon yo ja aamu. Ювясколя, 1990.*

Лютеранами г. Петрозаводска в Совет по делам религиозных культов в конце 1950-х – начале 1960-х годов было подано по крайней мере 4 официальных письменных ходатайства о регистрации общины.

За время «катакомбного» существования религиозность финнов не только не ослабла, но даже закалилась. Образная метафора Й. Сихво, сравнивавшего религиозность (веру) с забиванием гвоздя, иллюстрирует это процесс следующим образом: «чем сильнее бьешь по гвоздю, тем глубже он входит»²¹¹.

Оказавшись в Карелии, многие из переселенцев надеялись на возвращение на родину, в Ингерманландию, поэтому идея создания прихода, строительства церкви первоначально (до конца 1950-х годов) не находила реального воплощения. Для этого имелись и другие веские причины. Они лежали в характере сложившейся в Карелии религиозной, национальной и общеполитической ситуации. Лютеран пугали, во-первых, известные факты отказа в регистрации даже православных объединений; во-вторых, колебания курса национальной политики в республике, как в довоенный, так и в послевоенный период (особенно в отношении финнов). В третьих, особую роль играли репрессии в отношении финнов 1930-х годах, их последующая депортация с исконных мест проживания, которые заставили лютеран усвоить методы, применяемые советским государством в отношении неугодных.

Тем не менее, несмотря ни на что, финны-лютеране испытывали необходимость в реконструкции привычного для них образа жизни, в том числе в духовной сфере. Высокая компактность расселения внутри населенных пунктов способствовала поддержанию связей и активных контактов. После смерти Сталина в 1953 году в Карелию приехали лютеранский пастор Пааво Хайми и два проповедника (Юхани Вассели и Матти Кукконен), начавшие тайно выполнять некоторые обряды. Пасторы жили за счет помощи родственников и других лютеран, которые брали на себя заботу о них, обеспечивали их едой и кровом.

В 1958 году в Ингерманландии, в Келто прошел праздник ингерманландцев «Юханнус». Сведения о нём распространились из

²¹¹ *Sihvo J.* Religion and Nationality among minorities in Russia. P. 331–332.

уст в уста. На нем присутствовали гости из Финляндии, в основном родственники ингерманландцев. Им удалось привезти с собой несколько сборников духовных гимнов, которые быстро разошлись среди участников. Решение карельских лютеран о необходимости создания прихода, принятое на празднике, нашло поддержку в соседней Финляндии и Эстонии, откуда обещали присылать пастора.

Финны, пожелавшие вступить в лютеранскую общину Карелии (более 900 чел.)²¹², проявили большую для тех лет решимость, так как в списки потенциальных прихожан необходимо было вносить персональные данные. Прихожане таким образом ставились на учёт заинтересованных советских инстанций и за ними обеспечивался надлежащий контроль.

В исследованиях отмечается, что в послевоенный период этническая группа финнов, прибывших в Карелию в 1949–1950-е годы, рассматривалась республиканским руководством как элемент, призванный скорректировать национальный состав населения республики²¹³. Эту роль и выполнили ингерманландские финны, что, однако не стало причиной особо терпимого или нейтрального отношения к их религиозным ориентациям. Только к началу 1980-х годов в общине Петрозаводска официально разрешили проводить все традиционные для финского лютеранства формы деятельности.

²¹² НА РК, ф. 310, оп. 1, д. 3/41, л. 71–100.

²¹³ История Советской Карелии отличается своеобразным национальным строительством, которое нагляднее всего проявляется в смене названий республики: КТК (1920–1923 гг.), АКССР (1923–1940 гг.), КФССР (1940–1956 гг.), КАССР (1956–1991 гг.). Ключевым для смены названий было представление о титульной национальности как системообразующем моменте в республиканской национальной политике. К примеру, территорию КТК географически выделили таким образом, чтобы карелы на ней преобладали или, во всяком случае, составляли заметную часть. Однако удельный вес карел из года в год снижался, что ставило под сомнение «карельскость» республики. Кроме того, проблему для национального строительства в крае составляло отсутствие письменного карельского языка. Карелизации, финнизации, коренизации сменяли друг друга. К титульной национальности в разные времена относили то исключительно карел, то представителей всех финно-угорских народов (карел, финнов, вепсов). См. подробнее: *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е гг. Петрозаводск, 1998. С. 123–160; и др. статьи указанного сборника.

В процессе создания новой религиозной общины финнов-лютеран Карелии в 1960-е годы определяющую роль играли моменты, связанные с состоянием так называемой психической депривации – ощущения обездоленности и ценностного вакуума индивида. Признаки этого состояния, безусловно, имели место в психологическом портрете финнов. Для ингерманландских финнов, приехавших в 1949-50-гг. в Карелию, это, прежде всего, материальные и психологические последствия депортации: неустроенность быта; новые, непривычные для многих сферы занятости; положение мигрантов и связанное с ним ощущение временности, «пришлости»; и пр.

Состояние депривации стимулировало поиск путей компенсации утраченных ценностей путём «символической трансформации социальной системы». В нашем случае, вектор этого поиска был направлен, как правило, в сторону возвращения к привычным нормам жизни. Даже у прихожан младше 50 лет, которые не могли родиться или проживать когда-либо в Ингерманландии, связь с землей предков была важна, нося, прежде всего, мифологический характер.

Вера в Бога больше, чем что-либо иное, способствовала компенсации потерь. Она могла найти свое выражение, как и прежде, на личностном, внутрисемейном уровне, не принимая публичных институциональных форм. Однако этого оказалось недостаточно. Финнам требовалось общественное признание, общественная толерантность в отношении к их культуре, в том числе и к церкви, что и обеспечило бы их активность в вопросе создания прихода в Петрозаводске, а позднее и других.

Эпоха социального и политического кризиса, начавшаяся в СССР в 1985 году, завершилась коллапсом советской системы и коммунистического руководства, что вызвало у бывших советских граждан кризис идентичности. Возникший ценностный вакуум пытались заполнить различные силы: националистические, интеллектуально-либеральные, демократические и др. Свою роль в этом процессе стала играть и религия. В том числе и для российских финнов.

Доля россиян, называвших себя атеистами, упала с 35 до 5%. Храмы наполнились людьми. Выросла религиозная обрядность.

Наряду с этим, имел место и обратный процесс. Вера стала модной. Ее стремились продемонстрировать, выставить на вид. Эпоха социального кризиса начала 1990-х годов вызвала у большинства населения неуверенность в своем настоящем и будущем. Религия стала формой психологического страхования людей.

Особенностью религиозной ситуации 1990-х годов стали и новые попытки укрепления лютеранства российскими финнами. С 1988 года начался широкий процесс регистрации лютеранских общин в Ленинградской области, Карелии и других регионах России, где проживали небольшие диаспоры финнов. В 1991 году насчитывалось уже 18 зарегистрированных общин, к 1994 – 24, а к концу 1995 – 36.

Процессы дезинтеграции советского государства привели к отделению от него прибалтийских республик. 20 августа 1991 года Эстония объявила о своей независимости. Связь расположенных на территории Ленинградской области и Карелии общин с Эстонской ЕЛЦ (Единая лютеранская церковь) была нарушена пролегшей между ними государственной границей. В повестке дня оказался вопрос об организации централизованного руководства разрозненными общинами или о создании Евангелическо-лютеранской церкви России.

Однако в основу зарегистрированной 14 сентября 1992 года Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии лёг предложенный еще в 1920-е годы национально-языковой принцип церковной организации. Упоминание Ингрии в названии церкви выполняло символическую роль, собирая вокруг себя выходцев из Ингерманландии, хотя и проживавших в различных частях России. Это в свою очередь влекло за собой определённую языковую и этническую ориентацию в работе церкви. Параллельно немецкое население России создавало «свою» лютеранскую церковь. Этнические интересы в тот момент оказались сильнее общеконфессиональных, так как именно они оказались решающими в формировании в России двух лютеранских церквей. Не вызывает сомнений тот факт, что институциональная организация церкви Ингрии, в которой определённое место занимали, наряду с чисто вероисповедными и этнические моменты, оказала влияние и на этноконфессиональное самосознание финнов.

В первые годы существования приходов церкви Ингрии в них допускались только финны, либо их потомки, что демонстрировало, по мнению К. Юленен, «типичные особенности меньшинств, которые стремились к прояснению и сохранению границ их этнической группы»²¹⁴.

Религиозный бум в России совпал по времени с актуализацией этнических интересов. В конце 1980-х годов ингерманландцами стали основываться первые национальные организации, которые часто использовали площадку лютеранского прихода для организации своей деятельности и своих целей²¹⁵.

Активное вхождение российских финнов в состав лютеранской церкви в начале 1990-х годов протекало параллельно общероссийским процессам и практически не коррелировалось с ситуацией в стране-метрополии. В Финляндии в это время не фиксировался рост числа присоединившихся к церкви, хотя определенное повышение интереса к религии заметить можно. Если в 1990 году к Финской лютеранской церкви присоединялось около 6–7 тыс. чел., то к 1995 году – около 10 тыс. чел. В определенной мере на эти процессы влиял и направившийся туда поток эмигрантов финского происхождения из России. К 1994 году в Финляндию эмигрировали уже 9 тыс. ингерманландцев, которые частично пополнили ряды Финской лютеранской церкви²¹⁶.

Особенности состава прихожан Церкви Ингрии в начале 1990-х гг. демонстрируют значимость этнических элементов для прихожан. Наиболее ярко он проявился в проблеме двойного членства (например, в одном из приходов Ингерманландии и в Петрозаводском приходе). Двойное членство не приветствовалось церковной

²¹⁴ *Ylonen K.* Religion and ethnicity. The Renaissance of the Ingrian Church after the end of communist rule. The Research Institute. Publication № 48. 1998. P. 19–20.

²¹⁵ См. подробнее: *Яловицына С. Э.* Финская евангелическо-лютеранская церковь в Карелии // Прибалтийско-финские народы России. М., 1003. С.550–552; Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск, 2006.

²¹⁶ *Кокко В.* Ингерманландские финны // Финно-угорские народы и Россия (сборник материалов Международной конференции 1992–1993 гг.). Таллинн, 1994. С.56–57. См. также об эмиграции финнов из Эстонии: *Kuntäja E.* Viron sosiaalinen kehitys inkerinsuomalaisten palumuutto Suomeen. Helsinki, Aleksanteri-instituutti, 1990.

администрацией и запрещалось Уставом. Но стремление быть участником приходской жизни в Ингерманландии со стороны карельских лютеран-ингерманландцев все же обнаруживалось. В частности, детей возили крестить в тот приход Ингерманландии, откуда были родом сами, либо родители. Таким образом, создание своего прихода в Петрозаводске, либо в других населенных пунктах Карелии, с традиционной финской конфессиональной составляющей – лютеранством, не было достаточным условием для формирования прежнего образа жизни. Между реальностью и образом, сложившимся в исторической памяти («земля обетованная»), не было достигнуто соответствия. Финны стремились на родину, и лютеранский приход в Карелии все же не компенсировал её потерю.

Данные этносоциологического опроса середины 1990-х годов показали роль религиозного фактора в жизни финнов. На их основе можно утверждать, что уровень религиозности финнов в целом, как и их ориентации на лютеранство в середине 1990-х годов были достаточно высоки, в то время как межпоколенное воспроизводство финских конфессиональных традиций всё более снижалось²¹⁷.

Удалось установить, что одним из главных факторов, влияющим на вероисповедные характеристики, является, кроме пола и возраста, также и этнический тип семьи. Если зависимость вероисповедных характеристик от пола респондента прежде всего обуславливается демографическими причинами, то корреляция религиозности и возраста, религиозности и этнического типа семьи имеет под собой иные причины. Одной из них является разница в социализации различных поколений финнов. Были выделены три поколенных группы, для которых социализация протекала по-разному: старшее поколение (респонденты старше 55 лет), среднее (35–54 года), молодое (15–34 года).

Финны-лютеране старшего поколения в преобладающем большинстве получили религиозное воспитание в детстве. Не случайно именно они приняли самое активное участие в создании приходов после войны. Анализ их частной и публичной религиозной практики свидетельствует, что многие из них старались воспроизводить

²¹⁷ Кожанов А. А., Яловицына С. Э. Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 129–174.

в своем поведении те религиозные образцы, которые некогда сложились в семьях их родителей. Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что именно публичная религиозная практика пользовалась среди них большей популярностью, нежели религиозные занятия частного порядка (как например, религиозное самообразование, достигаемое посредством чтения Библии и другой религиозной литературы). Это, на наш взгляд, объясняется мотивами обращения финнов к вере, среди которых в числе первых можно назвать желание общаться с земляками-соплеменниками-единоверцами. Лютеранство выполняет, прежде всего, символическую функцию в формировании связей финнов. Побудительной же причиной этой консолидации является общая историческая судьба.

Второе выделенное нами поколение социализировалось в период сложившегося атеистического государства, когда религия обозначалась не иначе, как пережиток прошлого. Среди них лишь некоторые получили религиозное воспитание в родительской семье. По преимуществу, это были этнически-однородные семьи, в среду которых процессы культурной диффузии проникали в меньшей степени, чем в национально-смешанные семьи. Многие из них родились или провели свои детские годы в депортации, усвоив от своих родителей рассказы об их малой родине. Для большинства представителей этого поколения характерно щемящее чувство чего-то утраченного и невозможного. Это заставляло их искать компенсации, в том числе в религиозной сфере, но не только. Финны среднего возраста чаще молодых стремились приобщиться к ценностям старшего поколения: языку, народным традициям, обычаям и пр.

Молодежь, большая половина которой родилась и воспитывалась в национально-смешанных семьях, не могла получить не только конфессионального, но и религиозного воспитания. Однако период их личностного становления совпал с началом 1990-х годов, когда в нашей стране начинались процессы демократизации общественной жизни. Тогда, в самосознание представителей этого поколения отчасти искусственно вводились религиозные ценности, которые у финнов очень быстро приобрели этническую окраску. Большинство финской молодежи имеет чёткое представление о конфессиональной принадлежности финнов, о традиционной ре-

лигиозной практике. Часть из них приобщилась к приходской жизни, но лишь единицы сохраняют связь с приходом постоянно. Среди мотивов обращения к вере молодые часто называли весьма прагматические причины: улучшить знание финского языка, познакомиться с религиозным служением лютеран перед предстоящим выездом в Финляндию и пр. Обращает на себя внимание демонстративный характер веры этого поколения финнов. Для них совершенно не характерна религиозная практика, названная нами частной (чтение Библии и другой религиозной литературы, молитва и др.). С другой стороны, для финской молодежи интерес к религии совпал с периодом «этнического возрождения», что обусловило этноконфессиональную символику обращения молодежи к историческому прошлому своих отцов и дедов.

Таким образом, приверженность российских финнов лютеранской религии не вызывает сомнений. Она приняла столь устойчивые формы, что могла существовать и сохраняться даже за пределами Финляндии, соседствуя с иноэтническим и иноконфессиональным окружением. Прежде большую роль в этом единении играли компактность и единая территория расселения, а также финский язык и лютеранская религия, которые консолидировали группу российских финнов, способствовали ее однонаправленному развитию. Однако с конца XIX века внешние консолидирующие механизмы начинают рушиться. Первоначально, в языковой сфере, вследствие реформы, когда все обучение в школах было переведено на русский язык, изменились способы традиционной социализации детей в финноязычных школах.

В советскую эпоху эта новая, неблагоприятная для финнов России языковая тенденция получила свое продолжение и дополнилась новыми: нарушением компактности расселения, потерей территорий исконного проживания, преследованиями в области религии. В результате, практически все консолидирующие механизмы этнической группы финнов оказались серьезно подорванными. И тем не менее этнос продолжал существовать и саморазвиваться. Возникает вопрос: Благодаря чему? Представляется, что в послевоенной истории финнов, а также в период депортации, одну из ведущих ролей в сохранении этничности сыграл фактор принадлежности финнов к лютеранству.

«Болевой синдром», возникший у ингерманландских финнов в связи с потерей родины, ностальгия по ней, «обрастание» истории финнов в Ингерманландии мифическим ореолом Эдема – райского сада, обусловили новую консолидацию финнов за пределами Ингерманландии. Поскольку открытая этническая самоидентификация с публичным использованием родного языка и пр. могла повлечь неблагоприятные последствия, то стала использоваться своего рода «скрытая» этноидентификация. Некоторые ее элементы проявлялись на наиболее доступном, внутрисемейном уровне (использование финского языка в семейном общении, празднование религиозных праздников, крещение детей и пр.). Большое значение и популярность приобрели традиции, связанные с религией и лютеранством, так как они легко могли воспроизводиться в любом месте. Кроме того, если языковая практика претерпевала со временем существенные изменения, под влиянием русскоязычной школы и окружения, то традиционное религиозное поведение менялось медленнее, консервируя старые обычаи и порядки, и, следовательно, сохраняя большую степень связи с утраченной родиной. К тому же, эти внешние изменения всегда объяснялись вынужденными обстоятельствами (запретами и пр.). В результате этого религия после войны стала играть значение наиболее сильного признака этничности.

Исследователь С. Исаев в своей недавней статье высказывал мнение о том, что пути этнической и религиозной идентификации российских финнов разошлись уже после 1917 года, поскольку в советский период, особенно после войны, в виду отсутствия церквей, пасторов, свёртывания религиозной жизни произошло размывание лютеранской религиозности у российских финнов, которая в таком состоянии не могла выступить консолидирующим условием для существования этноса. В качестве аргумента С. Исаев приводит мысль о разнонаправленных целях и действиях двух ингерманландских организаций: Церкви Ингрии и Ингерманландского союза. По его мнению, «активистам “Союза ингерманландских финнов” не могло нравиться то обстоятельство, что в Церкви Ингрии русский язык стал употребляться с годами все более интенсивно, а финский и другие финно-угорские – все менее. Однако, этого требует принцип лютеранства: литургия должна вестись,

а проповедь читаться на том языке, который понятен прихожанам. Активистам Церкви Ингрии не могло нравиться то обстоятельство, что «Союз» на протяжении всех 1990-х годов содействовал переселению ингерманландцев из России в Финляндию. Они могли указать, что такая деятельность не совместима с задачей «сохранения ингерманландских финнов как этнической общности на родной земле»²¹⁸.

Однако, выше обрисованная ситуация относится уже ко второй половине 1990-х годов, когда формирование этнической идентичности российских финнов стало претерпевать серьезные изменения и цели этнического и религиозного возрождения действительно стали расходиться. К тому же, институциональные цели названных организаций хотя и имеют определенное касательство к этнической идентификации части российских финнов, но не исчерпываются ими. Не случайно, несмотря на некоторое несоответствие целей, многие российские финны состояли в обеих названных организациях, а сам «Союз» в качестве одной из своих задач выдвигал содействие восстановлению лютеранских приходов.

Таким образом, если и говорить об этом расхождении, то затронуло оно далеко не всех российских финнов, да и произошло это отнюдь не так давно. Фатальный вывод автора о разрушении ингерманландской идентичности, основанной на лютеранстве, в советский период, конечно, не далек от истины, однако этнической идентичности свойственно изменяться, особенно в наш информационный век, поэтому даже лютеранская проповедь на русском языке может составить её основу, в том числе и у российских финнов.

Соглашусь с П. Крыловым, что «отношение финнов Ленинградской области к лютеранству сегодня <...> воспринимается скорее как народная духовная и обрядовая традиция, принадлежность к которой представляется наиболее естественной, нежели вероисповедание в строгом смысле этого слова, при, в целом, довольно низком уровне религиозности. <...> несмотря на проникновение

²¹⁸ *Исаев С. А.* Как и почему разошлись пути религиозного и национального возрождения ингерманландских финнов? // Миноритетные этнические группы в России в эпоху перемен: стратегии и способы адаптации. СПб.: Изд-во СПбНПИПТ, 2008. С. 56.

православных элементов в богослужение и вне богослужебные обряды, чёткое представление о лютеранской идентичности продолжает сохраняться. В СМИ, принадлежащих не только Церкви Ингрии, но и светскому «Инкерин Лиитто», значительное место отведено историко-церковной проблематике»²¹⁹. Таким образом, даже проникновение иноконфессиональных практик в лютеранство сохраняет его финскую народную духовную роль.

О. В. Дыба

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ИНГРИИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ КАРЕЛЬСКОЕ ПРОБСТВО

В многокрасочной конфессиональной картине России заметное место занимает Евангелическо-лютеранская Церковь Ингрии. В нашей стране её корни можно найти уже в XVI веке, вскоре после начала Реформации в Европе. С тех пор лютеранство естественным образом закрепилось по всей России, получив новую волну возрождения в 90-х годах XX века.

На территории Республики Карелия Церковь Ингрии имеет 15 приходов, которые вместе с двумя приходами Мурманской области составляют Карельское пробство.

Церковь Ингрии является одной епархией. С 1996 года и по настоящее время ее возглавляет почетный доктор богословия епископ Арри Кугаппи. Центральная канцелярия Церкви Ингрии располагается в Санкт-Петербурге.

Несмотря на то, что Церковь Ингрии исторически связана с ингерманландскими финнами, в ее состав входят люди разных национальностей придерживающиеся лютеранского вероисповедания.

Первые попытки организовать лютеранский приход в Олонецкой Карелии приходится на начало 50-х годов XIX века. В Петрозаводске первая лютеранская церковь была построена в 1872 году.

²¹⁹ *Крылов П. В.* Социальные трансформации 1990-х – 2000-х гг. в судьбах ингерманландских финнов Ленинградской области: проблемы адаптации // Миноритарные этнические группы в России в эпоху перемен: стратегии и способы адаптации. С. 1.